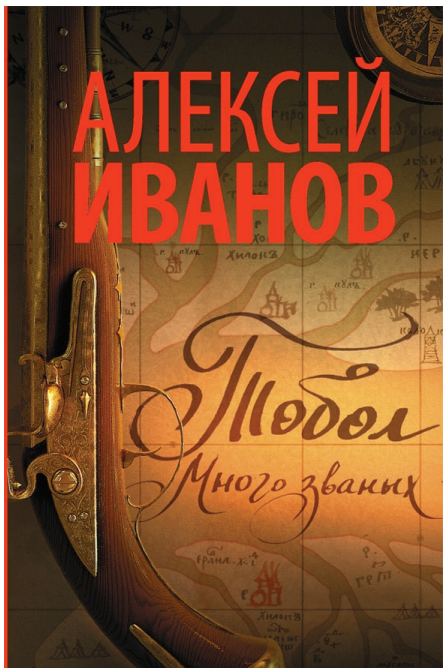

М.Ф. Ершов
Не слишком ли мутна вода в «Тоболе»?
К выходу в свет нового романа Алексея Иванова

Иванов А.В. Тобол. Много званных: [роман-пеплум] / Алексей Иванов. – М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 702 [2] с. (Новый Алексей Иванов).

M.F. Ershov
Is not too muddy water in the «Tobol»?
To the release of a new novel by Alexey Ivanov

Ivanov A.V. Tobol. A lot of the invitees: [novel-peplum]. Alexey Ivanov. Moscow: Izd-vo AST: Edition Elena Shubina Publ., 2017. 702 [2] p. (Alexey Ivanov).

Нет сомнения, что творчество литератора Алексея Иванова оказывает мощное воздействие на массовое историческое сознание. Такие романы писателя как «Сердце Пармы» или «Золото бунта» волнуют у интеллигентного человека и у историка-профессионала не только сердце, но и ум. На фоне замшелой советской исторической прозы или современных недобросовестных фэнтези художественные произведения об Урале, которые создал Иванов, предстают как полноценная реконструкция нашего прошлого. Их появление оживило наши надежды. Значит не все так плохо в восприятии истории, значит, мы – не «Иваны, не помнящие родства», значит, мы способны трезво оценивать путь, пройденный Россией!

Высокая планка, преодоленная им, дисциплинирует читателя, заставляет думать, сравнивать, итожить. И – надеяться на новые творческие открытия Алексея Иванова. Не случайно, что выхода первой книги его романа «Тобол. Много званых» интеллектуалы ждали. Насколько оправдались их надежды? Ведь сибирская тематика для пермского писателя дело новое, неизведанное. Достаточно мощный (и мрачный!) пролог романа, где одряхлевший, пьяный Петр Первый всё никак не может свести счеты с повешенным им сибирским губернатором Гагариным и, под конец, харкнув на мертвеца, уезжает на своей кобыле Лизетте, не может не произвести впечатления. И совершенно неважно, что, многие исследователи считают Лизетт жеребцом, которого после Полтавской битвы Петр удалил на покой. Писатель отнюдь не обязан вникать в спорные мелочи. Да и не о лошадях же он пишет! Его задача иная – создавать масштабные полотна, отвлекаясь от несущественных деталей. Зачин должен будоражить, таковы законы жанра.

После пролога, как после салатов, полагается перемена блюд. Потребитель художественной снеди ждет перехода с острых и пикантных закусок на основную серьезную пищу. Однако выясняется, что за этим пиршественным столом его надеждам не суждено оправдаться. То грязное и кровавое месиво, в которое писатель окунул читателей, не заканчивается на протяжении 700 страниц. Особенно не везет в этой объемной книге тем, кого в великой русской литературе именуют «маленькими людьми», «униженными и оскорбленными». Применительно к «Тоболу» такими персонажами выступают обычно женщины, коренные народы Севера или в одном лице: женщины из числа северян.

Чуть ли не всех женщин, вне зависимости от этнической принадлежности, постоянно насилуют. Получается, что петровские солдаты, шведские солдаты, сибирские казаки, да любые взрослые лица мужского пола, это, прежде всего, грязные животные. Даже современные радикальные феминистки не всегда поднимаются до подобных умозаключений… Варварство и голое, ничем не прикрытое насилие обращены также против аборигенов. Дети Севера жалки и беззащитны. По мнению Иванова русские остяков не боялись, ведь «остяки – тихие лесные людишки, замороченные бредовым бормотанием непонятных таёжных богов» (с. 311). Автором постоянно педалируется приниженность, никчемность коренного населения сибирских лесов. У него нет ни слова о положительном взаимовлиянии двух культур, о том, что пришлые, просто в силу обстоятельств, были вынуждены учиться у аборигенов выживать в наших суровых северных условиях. В романе нет упоминаний о том, что не слишком богатое российское государство тогда было кровно заинтересовано в получении ясака, почему у коренных народов сохранялись лесные и рыболовные угодья, а их численность росла.

Взамен исторической конкретики в романе детализируются несчастья хантыйского Певлора: «За три года русские истерзали это мирное селение» (с. 496). Бурная авторская фантазия не знает границ в изображении его бедствий. Здесь и несчастная изнасилованная Айкони, и убитый шаман Хемьюга, и подневольные остяки – не больше не меньше! – «скованные одной цепью» на рыбных промыслах. Полагаю, что впечатлительный писатель так и не смог расстаться с детскими впечатлениями от классической «Хижины дяди Тома»… Он не задумывается, каким образом можно заставить работать в кандалах северных рыбаков и охотников, практически воинов… Да и зачем? Русские купцы предлагали товары, за которые аборигены честно платили рыбой и пушниной, традиционно не отказываясь от долгов.

Русские у Иванова – насильники и никто более. Впрочем, пришельцев извиняет то, что забитые северные народы, созданные фантазией писателя, просто предназначены, чтобы над ними издевались. В мансийской деревне Балчары князь Сатыга по своему произволу режет ухо старику Ромбандею, хранителю идола – Медного Гуся (с. 496). Второе ухо несчастного успевает выкупить сердобольный Филофей. Между тем, авторитет подлинных, не выдуманных, хранителей святилищ у обско-угорских народов был максимально велик. Они обладали полномочиями, вполне сопоставимыми с властью князей, например правом суда. Подозреваю, что основная причина отрезания этого уха лежит куда глубже, чем гибель сыновей князя. Наверное, это клишированное ухо неведомыми путями перекочевало в сознании писателя с Дикого Запада Северной Америки, где его европейцы отрезали у мертвых индейцев. Иначе, почему же Сатыга действует в отношении своих единоплеменников как злодей из дешевого вестерна или как неограниченный восточный деспот?

Судя по всему, пермский литератор, не знаком с мифопоэтической культурой северных народов, с их нормами обычного права, с их уважением к старикам. У Иванова также перепутаны имена аборигенов, характерные для конкретных родов. Сатыга (с Конды), Ромбандей (с Ляпина) и Молдан (с Казыма) судя по роману, живут в одной деревне. Живут недружно: жестокий отец Ахута продает Айкони в рабство русским и готов продать её сестру Хомани бухарцам. По мнению писателя, земное спасение северных народов от различных бед и напастей может прийти только от святителя Филофея. Достаточно креститься. То, что массовое, «авральное» крещение аборигенов, произошедшее в начале XVIII в., практически ничего не изменило в их жизни, признано всеми, в том числе и православной церковью. Но писателю Иванову, это, похоже, неведомо. В его романе повторяются устойчивые стереотипы, возникшие лет этак полтораста назад. К сожалению, писатель не учитывает, что европейская одежда и принадлежность к христианству отнюдь не являются панацеей от всех бед.

Аборигены в романе обладают шаманскими сверхъестественными способностями. Но применяют они их так бестолково, что даже не могут похоронить без помощи русских

своего шамана Хемьюгу. Не лучше и бухарцы. Их неформальному руководителю Касыму ничего не стоит убить человека, будь то русский торговец или собственная наложница. Под стать бухарцам пленные шведы. Один из них ворует книги, другой занимается подпольным винокурением, третий, самый способный, хладнокровный убийца. Не отстают от мужчин и женщины. И для них лишить человека жизни не составляет труда. Интересно, что ни одно тяжкое преступление в романе так и не раскрыто. Чем же тогда занята местная государственная власть?

Складывается ощущение, что губернатор Гагарин мучается от безделья. В нем ровным счетом нет ничего от русского родовитого аристократа, потомка Гедемина, сурового воина, хорошо осознающего принцип: «в службе честь!». Это, скорее, расчетливый безнравственный современный менеджер. Он озабочен собственным имиджем, рентабельностью бизнеса, вне зависимости от того, целесообразны ли его усилия для страны. Спора нет, все петровские сподвижники воровали азартно, что давно подтверждено документально. Но также азартно и беззаветно они сражались, руководимые Петром, под Полтавой и Гангутом, умирали в Прутском и Персидском походах! Они много грешили и одновременно верили в Бога, наконец, они безоговорочно доверяли своему Петру. Только так, жестко опираясь на волевых и авантюрных «птенцов гнезда Петрова», самодержец смог преобразовать инертную Россию.

Это была эпоха мечтателей, которые не жалели ни себя, ни окружающих. Они работали на износ, пусть и не всегда эффективно. Доктор исторических наук Д.А. Редин хорошо показал, что, помимо реальных дел, чиновников в эпоху Петра Великого изводила резко возросшая бюрократическая отчетность. Но и это не было самым главным. Нельзя не согласиться с еще одним выводом ученого: «Случилось то, что случилось. Царь Петр вверг Россию в Северную войну (…) ситуация войны с качественно новым противником, каковым стала для России Швеция, потребовала неимоверных мобилизационных усилий, реализовать которые было возможно только при резком усилении бюрократических принципов управления»[1, 584].

Ничего этого в романе нет. Изматывающая страну кровопролитная война существует где-то на периферии внимания и, если не считать пригнанных шведских пленных, Сибири не касается. Здесь местные казаки привычно и безнаказанно грабят аборигенов, а их предводители откровенно хамят губернатору. Такие насилия и анархичная казачья вольница могли иметь место на начальном этапе колонизации азиатских окраин. У Иванова же они механически переносится на столетие позднее, на начало «регулярного» XVIII в. Куда интереснее невольные аллюзии между мнимыми гагаринскими авантюрами, описанными Ивановым, и олигархическим засильем в России рубежа XX–XXI вв. Мировой рынок в эпоху петровских реформ еще отсутствовал. Но, под пером писателя, первый сибирский губернатор уже втянут в глобальные проекты тайной распродажи богатств Сибири китайским чиновникам! Как говорится, что вижу, о том и пою…

Еще одна характерная черта ивановского «Тобола» – последовательное неприятие столичного мира. Здесь он продолжает линию, ранее намеченную в «Сердце Пармы». Непохожие фигуры Петра Первого и Ивана Третьего равным образом производят отталкивающее впечатление. Итак, в Сибири всё плохо, но в Москве и Петербурге, наверное (проклятые столицы!), еще хуже. В романе почти нет того, что называется «человечностью». В свое время, рассуждая о сценическом образе царя Ивана Грозного, В.И. Немирович-Данченко писал К.С. Станиславскому: «Вам удалось, рисуя образ, наводящий ужас на всё окружающее, дать то человеческое, что в нем есть и что влечет его к гибели и *невыразимым* страданиям. Каковы должны быть страдания человека, заставившего на своем веку страдать десятки и сотни тысяч людей, чтобы примирить меня, зрителя с ним. Какая сила мучений и терзаний, глубочайших и искреннейших, должна пройти передо мною и захватить меня, чтобы я сказал этому изуверу: Бог простит!» [2, 435].

Похоже, что Алексей Иванов, увлекшись зрелищным негативом, затемнил как реальные великие дела, так и неоднозначные

личностные качества наших предков и известных исторических лиц. В «Тоболе» по-настоящему не описано ни того, ни другого. В субъективной реальности, созданной этим литератором, если что-то и делается в нашем Отечестве, то, как бы само собой, по инерции, на авось. Положительных героев здесь можно пересчитать по пальцам одной руки, а их характеры не отнесешь к творческим удачам автора. Персонажи эти схематичные, плоскостные и безжизненные, в их достоверность поверить-то невозможно. К сожалению, мутная болотная вода «Тобола» не только отравляет наше историческое сознание, она сеет зерна вражды между народами России. Нельзя не согласиться с выводом Сергея Казначеева из «Литературной газеты», что Иванов исторический материал не сложил, «а без разбора вывалил всё на голову читателя. Но ведь любое искусство, а проза в особенности и прежде всего, – обоснованно добавляет литературный критик, – требует строго и вдумчивого отбора. Автор этим пренебрег. И в результате информативная масса в сочетании с антигуманной направленностью приводит к прямо противоположному результату» [3].

Литература

1. Редин, Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.) [Текст] / Д.А. Редин. – Екатеринбург: Волот, 2007. – 608 с.

2. Немирович-Данченко, Вл. И. Из письма К.С. Станиславскому. Сентябрь 1899 г. [Текст] / Вл. И. Немирович-Данченко // Станиславский К.С. Работа актера над собой в творческом процессе воплощения: дневник ученика. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2012. – С. 435–436.

3. Казначеев, С. Но мало избранных [Текст] / С. Казначеев // Литературная газета. – 2017. – № 4.

References

1. Redin, D.A. *Administrativnye struktury i bjurokratija Urala v jepohu petrovskih reform (zapadnye uezdy Sibirskoj gubernii v 1711–1727 gg.)* [Administrative structure and bureaucracy of the Urals in the era of Peter's reforms (the Western districts of the Siberian region in 1711–1727.)]. Ed. by N.A. Minenko. Ekaterinburg: Izd-vo «Volot» Publ., 2007. 608 p.

2. Nemirovich-Danchenko Vl. I. *Iz pis'ma K.S. Stanislavskomu. Sentjabr' 1899 g.* [From the letter to K. S. Stanislavsky. September, 1899]. *Stanislavskij K.S. Rabota aktera nad soboj v tvorcheskom processe voploshhenija: Dnevnik uchenika chenko* [Stanislavsky K.S. Work of the author on himself in the creative process of the incarnation: the diary of a disciple]. Saint-Petersburg: Azbuka-Attikus Publ., 2012. pp. 435–436.

3. Kaznacheev, S. *No malo izbrannyh* [But few are chosen]. *Literaturnaja gazeta* [Literary newspaper], 2017, no.4.